

ГАНС ГЕЙНЦ ЭВЕРС

ГАНС ГЕЙНЦ ЭВЕРС

АЛЬРАУНА

Издательство АСТ
Москва

УДК 821.112.2-32
ББК 84(4Гем)-44
Э15

Серия «Вселенная Стивена Кинга»

Перевод с немецкого *Г. Шокина, Е. Крутовой*

Компьютерный дизайн *В. Воронина*

Эверс, Ганс Гейнц.

Э15 Альрауна : [сборник] / Ганс Гейнц Эверс ; [перевод с немецкого Г. Шокина, Е. Крутовой].— Москва : Издательство АСТ, 2026. — 480 с. — (Вселенная Стивена Кинга).

ISBN 978-5-17-185254-2

Профессор тен Бринкен проводит дерзкий научный эксперимент и создает ребенка, используя генетический материал казненного преступника и падшей женщины. Появившаяся на свет девочка, названная Альрауной, должна принести своему создателю богатство, а всем, кто попадет под ее влияние, — несчастье. Вот только для самого профессора результат оказывается совсем не безобидным.

В книгу включены самые известные и жуткие рассказы Г. Г. Эверса. «Паучиха»: в номере отеля одно за другим происходят три таинственных самоубийства; за расследование берется студент-медик, которого постепенно втягивают в зловещую игру... «Соус из помидоров»: испанцы за долгие годы привыкли к жестокости корриды и петушиных боев. Но что, если в поединке участвуют... только люди?

Можно ли превратить человека в растение — да так, чтобы он знал об этом, был способен вести записи и отслеживать свое состояние в «Дневнике померанцевого дерева»?

Часть произведений данного сборника печатается на русском языке впервые.

УДК 821.112.2-32
ББК 84(4Гем)-44

© Перевод. Г. Шокин, 2026

© Перевод. Е. Крутова, 2026

© ООО «Издательство АСТ», 2026

ISBN 978-5-17-185254-2

АЛЪРАУЦА

История
живого существа

АРСИС*

Не станешь же ты отрицать, дорогая моя подруга, что есть существа — не люди, не звери, но диковины, рожденные от темного наслаждения абсурдными мыслями?

Тебе прекрасно известно, услада моя, насколько хорош Закон. И хороши все наши правила и нормы, поскольку происходят они свыше — от божественного величия. Хорош и тот человек, кто всецело их приемлет, проходя жизненный путь в смирении и терпении, истинно послушный нашему доброму Богу.

Но есть и другой владыка, ненавидящий добродетели. Он попирает законы, знать не желает норм. Обрати внимание, как все его творения направлены против природы. Он — плох и зол, и любой плохой и злой человек стремится быть весьма похожим на него. Дитя сатаны!

Не сыщешь хуже отступничества — вмешиваться в вековечные порядки, нарушать их, лезть в их тонкое устройство грубой рукой. Но служащий злу охотно идет на такое, и потворствует ему могучий владыка дьявол. Гордыня и вольнодумство толкают злодея на попрание правил, отмену законов природы, учинение хаоса.

Но да будет злодей предупрежден: в деяниях его правды нет, созданное им — всегда иллюзия и плод умопом-

* Арсис и (см. конец романа) тесис (*др.-греч.* «подъем» и «спуск») — понятия, употребляемые соответственно для повышения и понижения голоса при декламации стихотворения. В настоящее время в стихосложении арсисом называется ударный слог в стопе, тесисом — безударный. — *Здесь и далее — прим. переводчика, если не указано иное.*

рачения. На своем пути наверх злодей способен забраться высоко и будто бы затмить само небо, да только суждено ему все равно упасть — такова плата глупца за высокомерие.

Его сиятельство Яков тен Бринкен, доктор медицины, профессор и действующий тайный советник, создал странную девушку наперекор законам природы. Создал один, но замысел подобного толка принадлежал другому человеку. Сущность, прошедшую таинство крещения и нареченную Альрауной, растили как человека, и жила она как человек; стоило ей коснуться чего-нибудь — и оно превращалось в золото; стоило ей пойти куда-либо — исступленный смех вторил ее шагам. Но тот, кто чувствовал источаемую ею отраву, спешил подавить в себе исходящий на вопль грех. Из земли, по которой легко ступала она, всюду вырастали кипенно-белые цветы смерти.

Альрауна убила всех, кто принадлежал ей, — кроме Франка Брауна, а ведь он первым замыслил ее. Кроме человека, всю жизнь шедшего подле жизни — и мимо нее, как бы с ней вразнобой...

Я пишу эту книгу не для тебя, о золотая моя сестра. Твои глаза голубые и добрые. Они ничего не знают о грехе. Твои дни подобны тяжелым синим гроздьям глицинии — они все падают и падают с древа жизни, образуя мягкий ковер. Мои ноги легко и мягко шагают по нему, когда я вхожу в сияющий солнечный свет в беседке твоих нежных дней. Я пишу эту книгу вовсе не для тебя, мое золотое дитя, милосердная сестра дней, наполненных мечтой...

Тебе, о дикая, грешная сестра моих горячих ночей, посвящен этот роман. Когда на все падает тень, когда жестокий океан пожирает прекрасное золотое солнце и над волнами вспыхивает стремительный ядовитый зеленый луч, когда смерть дня сопровождает глухой смешок Порока — тогда, знаю, являешь ты нам свой дьявольский этюд в желчных, алых и пурпурных тонах. Твои грехи

шепчутся в глубокой ночи, и пагубное дыхание твое овеивает весь земной шар. Осознавая горячку свою, ты широко распахиваешь очи, упругая молодая грудь твоя вздымается, ноздри трепещут, и ты широко разводишь руки, влажные от жара. Тогда нежный благопристойный день спасается бегством, уступая змею ночи, и ты предлагаешь себя, сестра, — свою дикую душу, свое умашенное ядом тело, все мучения и всю кровь, весь стыд и все желание; ты ликуешь, ты радуешься.

Сквозь завесы небес и пучины ада взываю я к тебе, о сестра моих грехов, и пишу эту книгу я лишь для тебя одной...

ГЛАВА ПЕРВАЯ

КОЛЫБЕЛЬ АЛЬРАУНЫ

Белый дом, под чьими сводами впервые зашел разговор об Альрауне тен Бринкен — задолго до ее рождения и даже до зачатия, — стоял на берегу Рейна. Тотчас же за городом, на большой дачной улице, начинающейся у старого епископского дворца, где теперь стоит университет, — там и возвышался этот дом, и жил в нем советник юстиции Себастьян Гонтрам.

С улицы к нему надо было пройти через длинную пыльную аллею запущенного сада. Очутившись у дома и полюбовавшись на валящуюся с фасада штукатурку, гость напрасно искал звонка — его не оказывалось. Он мог кричать и стучать сколько угодно, никто ему не являлся. Наконец, догадавшись толкнуть дверь, посетитель входил — и видел перед собой лестницу, очевидно никогда не знавшую ни тряпки, ни швабры. Навстречу ему из какого-нибудь темного потаенного угла выскакивала большая кошка.

Или, если дело было днем, большой сад наполнялся маленькими негодниками — резвыми чадами господина Гонтрама. Звали этих чад Фрида, Филипп, Паульхен, Эмильхен, Йозефхен и Вольфхен. Они наполняли собою все, торчали на ветвях, прятались в ямах. Вместе с ними и собаки: два шпица, оба большие забияки, и помесь фокса, и в довесок — крошечный пинчер величиною с ладонь по кличке Циклоп доктора прав Манассе, жившего у Гонтрамов.

Все кричали и шумели. Вольфхен — ему не было еще и года — лежал в колясочке и ревел: громко, натужно, часами. Соперничать с ним мог только Циклоп, разбитым голосом, до хрипоты, безостановочно визжавший. Он не трогался с места, так же как и Вольфхен, и только знай себе голосил.

Наследники Гонтрама возились в кустах целыми днями, до самого позднего вечера. На старшей дочери, Фриде, лежал надзор за ними всеми. Но ей доставляло гораздо больше удовольствия сидеть в полуразвалившейся беседке с приятельницей, маленькою княжною Волконской. Они вели интересные разговоры, рассказывали друг дружке занимательные истории. Обеим через несколько дней исполнялось четырнадцать лет — а это как раз такой возраст, когда, по их мнению, можно будет выйти замуж или, по крайней мере, завести роман. Но обе были очень религиозны и решили запастись терпением — до конфирмации. После нее-то можно будет носить длинные платья, считать себя взрослыми и крутить усы ухажерам.

Девушки казались себе очень порядочными, раз приняли такое терпеливое решение, — и даже подумывали, не отправиться ли прямо сейчас в церковь, на мессу. О да, накануне такой поры важно вести себя наисерьезнейшим, наирациональнейшим образом!

— Там, надо думать, будет этот Шмиц! — заметила Фрида Гонтрам.

Маленькая княжна сморщила носик:

— Ох уж этот Шмиц...

Фрида взяла подругу за руку и добавила:

— И студенты в синих баварских фуражках!

Ольга Волконская рассмеялась:

— Эти-то? Пустое! Запомни, Фрида, подлинные студенты в церковь — ни ногой! — Пожалуй, она изрекала истину: ни один порядочный немецкий студент ни за чем подобным замечен не был.

Фрида вздохнула. Она отодвинула в сторонку коляску с голосящим Вольфхеном и дала пинка Циклопу, норвя-

щему тяпнуть ее за ногу. Во всем княжна права — идти на мессу смысла нет!

— Остаемся здесь, — рассудила она, и девочки возвратились в беседку.

Чертой, общей для всех детей Гонтрама, была бесконечная жажда жизни. Они не знали, но как бы чувствовали, что должны умереть юными, цветущими, в расцвете сил — и что срок, отведенный им для жизни земной, сильно ограничен. Так что пользовались они этим сроком за троих — шумели и буйствовали, упивались и насыщались жизнью допьяна. Вольфхен надрывался в коляске за троих среднестатистических немецких младенцев; его братья, носясь по саду и всюду мельтеша, казались не четырьмя проказниками, а доброй дюжиной таких — растрепанные, как чертополох, чумазые, все в ссадинах и царапинах, порезах и расчесах.

Но стоило дневному светилу зайти — и дети Гонтрама утихомиривались. Они брели назад к дому и собирались на кухне. Там они уминали несметное количество бутербродов с мясом или ветчиной, пили розовую воду — и после этого скопом бежали к служанке на гигиенические процедуры. Служанка раздевала их, рассаживала по бадьям, доставала мыло с добавлением древесного угля и жесткую щетку — и драила всех этих детей, словно вереницу сапог. Чище они, впрочем, не становились — зато орали и бесновались всласть, раскачивая деревянные моечные колоды.

И под конец, вусмерть утомленные, доползали они до коек, валились туда, будто мешки с картофелем, да так и засыпали — вечно позабыв укрыться, так что об одеялах заботилась все та же несчастная служанка.

К тому часу, как правило, в дом приходил адвокат. Он поднимался по лестнице и лупил тростью в дверь. Не получив ответа — заходил самовластно.

Его встречала фрау Гонтрам — высокая, почти вдвое выше господина Манассе; по сравнению с ней тот казался сущим карликом. Общие пухлость и безобразность делали его до ужаса похожим на своего питомца Циклопа.

Его щеки топорщились щетиной, как у хряка, а нос напоминал втиснутый в самый центр овального лица редис. Речь Манассе уж очень походила на тьявканье, и вид у него был такой, будто он не прочь вцепиться кому-нибудь в ногу.

— Вечер добрый, фрау Гонтрам! — тьявкал он. — А что, коллега мой изволит пока что запаздывать?

— Здравствуйте, герр адвокат, — отвечала рослая женщина. — Будьте как дома.

Но низкорослый Манассе не унимался:

— Не вернулся коллега, значит? И велите принести ребенка, а то я сам себя тут не слышу!

— Что? — переспрашивала фрау Гонтрам, выковыривая из ушей затычки. — А, да-да! — продолжала она. — Вольфхен! Разживитесь такими штучками, герр адвокат, тогда и вам не будет досаждать всякий шум! — Подойдя к двери, она гаркнула: — Уилла, Уилла! Ну или Фрида... Вы что, оглохли там? Занесите-ка Вольфхена в дом!

На ней все еще красовалось платье персикового цвета, густые каштановые волосы были небрежно собраны под гребень — отдельные пряди выбивались из прически. Черные глаза казались огромными, несколько выпученными, прямо-таки лучась какой-то тревогой неизъяснимого толка. Кожа на ее висках нездоровым образом натянулась до состояния тонкого сухого пергамента, бледные щеки запали, нос заострился; на щеках горели пунцовые пятна.

— У вас будет закурить, господин адвокат? — спросила она.

Порывистым, почти раздраженным жестом гость достал портсигар.

— Сколько вы уже высмолили сегодня, фрау Гонтрам?

— Штук двадцать, — рассмеялась она, — но вы же знаете каких! Дрянных, по четыре пфеннига за штуку. Хорошую сигару, вроде ваших, и курить в радость. Дайте-ка мне вот эту, толстую. — Фрау взяла тяжелую «Мехико» в бумаге угольного цвета.

Манассе вздохнул и уточнил:

— Долго еще вы так протянете?..

— Ах, — ответила она, — вы только не волнуйтесь, не переживайте. Долго?.. Третьего дня господин доктор обмолвился: еще месяцев шесть. Но знаете, то же самое он говорил и два года назад. Ну, как по мне, дело не к спеху: не такая уж она и скоропостижная, эта их чахотка!

— Может, стоит курить поменьше, — брякнул коротышка-адвокат.

Фрау уязвлено вытаращилась на него, вздернула синеватые тонкие губы поверх блестящих белых зубов.

— Что? Что, Манассе? Не курить? Что же мне еще делать? Рожать каждый год, вести хозяйство, следить за несносными детишками, терпеть неудобства от чахотки — и что, и не выкурить сигаретку даже?..

Она пустила густой дым прямо ему в лицо. Манассе зашелся кашлем; посмотрел ей в глаза — саркастически, но и не без определенного восхищения. Этот маленький адвокат по жизни шел на диво нахально, никогда не лез за словом в карман, всегда находил резкий удачный ответ, ни с чем не считался и никого не боялся. Но тут, перед этой изможденной женщиной, чье тело напоминало скелет, а под кожей лица все явственнее проступал череп, — перед женщиной, уже несколько лет стоящей одной пятой в могиле, — он тушевался и, подумать только, пугался. Эти неукротимые лошечные кудри, год от году становясь только крепче и гуще, будто здоровели от самой близости смерти; хорошие зубы крепко держали окуроченную толстую сигару, а отчаянные и жестокые глаза не тускнели, а лихорадочно разгорались, не поддаваясь болезни, — и, видя это, Манассе умолкал и чувствовал себя совсем ничтожным, маленьким — меньше, чем он есть, даже меньше, чем его собака.

Он отличался высокой образованностью, этот адвокат Манассе. Его за глаза называли «эрудит — придет, увидит, победит». Проявить неожиданную осведомленность в самых, на первый взгляд, неожиданных вопросах было для него чем-то очень естественным, навроде дыхания. И сейчас он думал: «Вот она, настоящая женщина эпику-

рейских* идеалов: пока жива, смерть ее не касается, а когда умрет, уже ничто ее не беспокоит».

Но Манассе отчетливо видел — смерть уже здесь, пусть даже фрау еще жива. Давно уж обосновалась неподалеку старуха с косою — хозяйски расхаживала по саду и дразнила фрау, заставляя кричать и бегать ее испуганных детей. Правда, смерть не спешит, идет медленными шагами — в этом фрау совершенно права. Но это лишь каприз. Смерти так нравилось — играть с этой женщиной и ее выводком, как кошка с суетливыми мышками.

«Тебя нет!» — думала фрау Гонтрам, днями напролет отлеживаясь в шезлонге, куря, читая затянутые бестолковые романы, затыкая уши от детских голосов. «Ах, нет меня?» — смеясь, вопрошала смерть, дразня адвоката из-под жалкой маски жизни, пуская ему в лицо удушливый дым. Манассе видел ее — отчетливо, ясно. Он смотрел на нее и думал, какая же это, в сущности, смерть — та, что изобразил Дюрер? Или Бёклин? Или же дикая смерть-арлекин Босха или Брейгеля? Или же безумная, безответная смерть Хогарта, Роулэндсона, Гойи, Калло? Нет — все не то. Перед ним была вполне охотно идущая на контакт Смерть, добродушно-бюргерская, но не лишенная притом определенной романтичности; рейнская Смерть из-под кисти Ретеля** — болтливая, шутливая, курящая да пьющая, не чуждая смеха и веселья...

«Хорошо, что эта Смерть курит, — думал Манассе, — очень хорошо: так забивается запах близкого тлена...»

Вот, наконец, явился советник юстиции Гонтрам.

— Добрый вечер, коллега! — сказал он. — Уже здесь? Это хорошо. — Он завел долгую историю, в подробностях рассказывая, что сегодня приключилось в конторе

* Эпикурейство — философское учение, взращенное из идей Эпикура и его последователей. Согласно ему, высшим благом считается наслаждение жизнью, не допускающее физического дискомфорта и душевных терзаний, а также отказ от страха перед смертью и богами, безразличными к делам и прегрешениям смертных.

** Альфред Ретель — немецкий живописец и график (1816–1859).